

УДК [81'36+81'37+81'42] = 112.2
DOI: 10.17223/19986645/53/3

Е.В. Боднарук

БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ И СРЕДСТВА ЕГО ЭКСПЛИКАЦИИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Изучаются глагольные средства выражения будущего времени: устанавливается количественное соотношение языковых единиц грамматического и лексико-грамматического характера, служащих экспликации будущего в прямой речи немецкоязычного художественного и публицистического дискурса; определяются типы будущего времени, различающиеся в зависимости от того, какой компонент семантики – модальный (волитивный или эпистемический) и /или эвиденциальный – соединяется с темпоральным при использовании языковой единицы в речи.

Ключевые слова: будущее время, индикатив, конъюнктив, императив, модальные глаголы, типология, темпоральность, волитивность, эпистемичность, эвиденциальность.

Известно, что наряду с настоящим и прошлым *будущее* формирует понятийную категорию *времени*. Временные значения свойственны языковым единицам, относящимся к разным частям речи, но глаголу они, пожалуй, в большинстве языков присущи ингерентно (ср. нем. обозначение глагола «Zeitwort» = «слово с временным значением»). В немецком языке, как и во многих других языках мира, есть грамматические формы, служащие экспликации будущего времени, обозначающие «действие (процесс), предстоящее, последующее по отношению к моменту речи» [1. С. 68] или по отношению к другому моменту, мысленно приравниваемому к моменту речи [2. С. 77].

Нефактуальность будущего, которое всегда еще только *предстоит*, не являясь частью нашей действительности, и, следовательно, не может быть верифицировано в момент речи, существенным образом отличает его от других конституентов темпоральной триады – настоящего и прошлого. Онтологические и гносеологические свойства будущего обуславливают ряд особенностей в становлении и функционировании форм с соответствующей семантикой. Сама потребность в граммемах будущего времени в языке связана с развитием абстрактного мышления и осознанием линейного характера времени [3. С. 9]. Настоящее и прошлое, являясь более осязаемыми и конкретными, в большинстве языков начинают выражаться грамматически раньше будущего времени ([2] и др.), поскольку будущее время первоначально сопричастно настоящему и не осознается человеком как особая семантическая сущность ([4. С. 132] и др.). Данное наблюдение подтверждается тем, что значение будущего времени, разобщенного с

настоящим, позже усваивается в онтогенезе, чем другие временные отношения [5. С. 88–89].

Грамматическое будущее, указывая на то, чего еще нет, как бы балансирует между *реальностью* и *ирреальностью* и, соответственно, между *темпоральностью* и *модальностью*. Формальная принадлежность форм будущего времени во многих языках, в том числе и в немецком, к индикативу [6. С. 92] лишь очень условно согласуется с его онтологическим статусом. В этой связи может возникать ощущение колебания модально-темпорального баланса в формах будущего времени, особенно если язык располагает несколькими такими формами. Поэтому некоторые исследователи-темпорологи склонны «делить» формы будущего времени на «чисто модальные» и «чисто временные» [Там же].

Связь модального и темпорального компонентов значения в формах будущего времени отмечается, пожалуй, в большинстве работ по данной теме (см. [7. С. 24; 8. С. 243; 9. С. 53] и мн. др.). Ряд исследователей склоняются к преимущественно модальному, а не темпоральному статусу футуральных форм. На этом основании они могут исключаться из системы времен и квалифицироваться, к примеру, как лексико-грамматические структуры с модальным глаголом. Такая тенденция наблюдается сегодня в немецком языке, в котором формы будущего времени – футур I и футур II – все чаще признаются модальными структурами (по аналогии с конструкциями типа *sollen* + *инфинитив*, *wollen* + *инфинитив* и др.) [10. С. 206; 11. С. 234]. Собственно темпоральной объявляется в этом случае обычно форма *презенса*, часто используемая в немецком языке в значении будущего [12. С. 88].

Впрочем, единства во мнениях относительно темпорально-модального статуса грамматических форм будущего времени в немецком языке сегодня нет. Наряду с так называемыми «модалистами» – сторонниками модального характера футурума – имеется и группа так называемых «темпоралистов», считающих футурум (обычно речь идет о футуре I) собственно темпоральной формой. То, что любое будущее модально, следует, с их точки зрения, рассматривать как импликатуру, но не как значение футура I [13. С. 366; 14. С. 114]. Наконец, в ряде исследований модальными считаются лишь часть случаев употребления форм футурума I ([12. С. 84; 15. С. 288–289; 16. С. 70] и др.).

Анализ обширной литературы по темпорологии склоняет нас к мысли о том, что противоречивость в описании семантического статуса футуральных форм связана с отсутствием комплексного подхода к исследованию. Полагаем, что, лишь сравнив разноуровневые средства выражения будущего, можно сделать вывод об их семантике. Комплексное исследование, учитывающее как лингвистические, так и внелингвистические особенности употребления и взаимодействия языковых единиц в речи, позволяет не только проникнуть в суть их семантики, но и выявить сущностные черты будущего времени как языкового феномена. Ниже представлены результаты такого исследования.

Рассмотрение языковых средств экспликации будущего времени целесообразно начинать с анализа собственно грамматических единиц. В немецких грамматиках есть упоминание о двух таких единицах, основным значением которых является выражение будущего: а) о форме футура I, которую можно рассматривать как форму *будущего* как такового; б) о форме футура II, использующегося для выражения *предбудущего* или будущего действия / события, предшествующего другому действию / событию в будущем. Ср.:

Er wird heute Abend kommen – футур I

Nachdem er gekommen sein wird, werden wir Tee trinken – футур II

Вместе с тем немецкий темпоролог Б. Ротштайн обнаружил в чатах, в блогах, а также в языке спортивных комментаторов спорадическое употребление форм, которые он назвал формами *двойного футура*. Например: Das wird so peinlich werden, dass sich Wintner noch in 10 Jahren dafür schämen werden wird! [17. С. 116]. Б. Ротштайн отмечает наличие семантической близости между формами типа (*sie*) *werden husten werden* и формами футура I (*wird husten*). Отличие двойного футура от футура I видится исследователю в значении «послебудущее», которое особенно четко прослеживается именно у двойного футура. Полагаем, что на данном этапе развития немецкого языка формы двойного футура можно рассматривать лишь как грамматические окказионализмы, а их вхождение в систему временных форм немецкого языка пока может угадываться только в самых общих чертах. Однако возможность образования и использования в речи подобных форм свидетельствует, с одной стороны, об усиливающейся тенденции к аналитизму, а с другой – о значимости и устойчивости футуральных форм в составе немецкой временной системы. Более того, если бы *двойной футур I* стал со временем частью немецкой темпоральной системы, можно было бы говорить о становлении своего рода *идеальной* системы форм будущего времени, с тремя семантическими подразделениями: *предбудущее* – *будущее* – *послебудущее*, отсылающими к «универсальным» моделям временных систем, разработанных в XX в. сначала О. Есперсеном, а затем Г. Рейхенбахом [18. С. 300; 19. С. 297].

Эмпирический анализ глагольно-предикативных языковых единиц¹, привлеченных нами методом сплошной выборки из прямой речи (далее ПР) трех романов современных прозаиков и трех выпусков изданий прессы², показал, что в экспликации будущего времени задействованы наряду с

¹ В таблицу не вошли глагольные единицы, использующиеся в эмпирическом материале преимущественно во вторичной предикации (например, формы инфинитива, герундива), а также некоторые конструкции модального характера (например, brauchen + zu + инфинитив, drohen + zu + инфинитив).

² См.: Hein Ch. Landnahme. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2005. 383 S. Kehlmann D. Ruhm. Hamburg: Rowohlt, 2009. 203 S. Noll I. Ehrenwort. Zürich: Diogenes, 2010. 336 S. Frankfurter Allgemeine Zeitung. № 169 / 23. 07. 2011. Der Spiegel. № 45 / 7. 11. 2011. Süddeutsche Zeitung. № 168 / 23./24. 07. 2011.

грамматическими единицами также многие лексико-грамматические структуры (см. таблицу).

**Языковые средства выражения будущего времени в прямой речи
художественного и публицистического дискурса**

Конструкции	В художественном дискурсе		В публицистическом дискурсе	
	абс. числа	%	абс. числа	%
презенс индикатива	810	37	754	32,8
футур I индикатива	209	9,5	358	15,6
императив	359	16,4	38	1,6
können (в през. инд. ³) + инф. I ⁴	173	7,9	119	5,2
können (в прет. конъюн. ⁵) + инф. I	54	2,5	104	4,5
sollen (в през. инд.) + инф. I	64	2,9	208	9
sollen (в прет. конъюн.) + инф. I	53	2,4	52	2,3
müssen (в през. инд.) + инф. I	129	5,9	131	5,7
müssen (в прет. конъюн.) + инф. I	9	0,4	21	0,74
dürfen (в през. инд.) + инф. I	18	0,8	27	0,9
dürfen (в прет. конъюн.) + инф. I	1	0,04	33	1,4
mögen (в през. инд.) + инф. I	2	0,09	5	0,2
mögen (в прет. конъюн.) + инф. I	22	1	19	0,8
wollen (в през. инд.) + инф. I	139	6,3	190	8,3
кондиционалис I	58	2,6	102	4,4
претерит конъюнктива	44	2	84	3,7
плюсquamперфект конъюнктива	5	0,2	5	0,2
перфект индикатива	11	0,5	9	0,4
футур II индикатива	1	0,04	–	–
haben + zu + инфинитив I ⁶	8	0,4	11	0,5
sein + zu + инфинитив I	4	0,2	18	0,8
lassen + инфинитив I	17	0,8	5	0,2
причастие II	1	0,04	–	–
презенс конъюнктива	–	–	2	0,08
Всего	2191	100%	2295	100%

Степень дискретности выражения будущего времени у данных средств разная. Кроме того, практически все предикативные единицы, представленные в таблице, не обладают темпоральной однозначностью [20]. В этой связи значимой становится такая аспектуальная характеристика смыслового глагола, как *предельность*. Благодаря наличию в семантике предельных глаголов (таких как *kommen*, *bringen*, *finden* и др.) указания на внутренний предел, границу или цель протекания действия / события они обладают

³ През. инд. – презенс индикатива.

⁴ Инф. I – инфинитив I.

⁵ Прет. конъюн. – претерит конъюнктива.

⁶ Конструкции *haben* / *sein*+*zu*+инфинитив I и *lassen*+инфинитив I учитывались как в форме презенса индикатива, так и в форме претерита конъюнктива.

своего рода направленностью в будущее (проективным значением). В нашем эмпирическом материале более 70% глаголов, оформлявших высказывания о будущем, оказались предельными. Непредельные же глаголы либо сочетались с лексическими указателями будущего времени (*morgen*, *in der Zukunft* и др.), либо использовались внутри объемного высказывания о будущем, обрамленные предельными глаголами.

Результаты эмпирического анализа свидетельствуют об определенных расхождениях как в составе используемых в каждом дискурсе средств, так и в их количественном соотношении. Расхождения объясняются в целом более официальным характером текстов прессы, а также наличием в них значительной доли информации из вторых и третьих рук, т.е. их «эвиденциальной заряженностью». В этой связи в них (в сравнении с преимущественно разговорным характером прямой речи героев романов) возрастает доля футура I, модальных глаголов *sollen* и *wollen*, появляются единичные формы волитивного презенса конъюнктива. В свою очередь, в ПР художественного дискурса довольно высока доля императива.

Отметим, что в эмпирическом материале не встретились формы двойного футура I, о которых шла речь ранее, зафиксирована лишь единичная форма футура II. Да и футур I, судя по количественным данным, не является самой распространенной формой будущего времени. Первое место по частотности в ПР обоих дискурсов занимает презенс (Er kommt zu uns heute Abend.). Он является синонимом футура I. В свою очередь, перфект в значении заверщенного будущего / предбудущего (ср.: Nachdem er gekommen ist, werden wir Tee trinken), будучи синонимом футура II, также обходит последний по частотности. Чем же объясняется более частое использование в ПР форм, значение будущего у которых не является их основным значением?

На первый взгляд объяснение может заключаться в факторе языковой экономии. И презенс и перфект обнаруживают более простой способ образования, нежели формы футура I и II. Этот фактор действительно может быть признан релевантным, но скорее для пары *перфект* – *футур II*. Футур I, хотя и является аналитической формой, не характеризуется особой сложностью образования. Объяснение частотности презенса в футуральном значении, по-видимому, заключается в историческом факторе. Известно, что долгое время именно презенс был основной формой выражения будущего времени. Появление футура I датируется лишь XII–XIII вв. [21. С. 29; 22. С. 289]. Многие исследователи связывают его появление с необходимостью адекватного перевода латинских текстов на немецкие диалекты. Футур II и вовсе характеризуется рядом грамматистов как «чуждый немецкому языку латинизм» [23. С. 201]. Несмотря на то, что обе формы в определенный период своего развития были довольно употребительными [24. С. 11], они не смогли обойти по частотности футуральный презенс и футуральный перфект. Вместе с тем, будучи по строению все же более «сложными», а по происхождению «скорее письменными, чем устными», формы футура I и II воспринимаются как более «весомые», способные ак-

центрировать особое внимание на событии или действии, представленном в пропозиции. Эта особенность и отличает их сегодня от синонимичных форм презенса и перфекта. Она же обуславливает их меньшую частотность в речи. Весомость и даже некоторая пафосность форм футура отчетливо проявляется, к примеру, в официальных речах, представленных в прессе.

Так, использование футура I в следующем интервью позволило известному немецкому политическому деятелю подчеркнуть свою позицию в отношении образовательной политики в федеральной земле Гессен:

Spiegel: ...Ein großes Thema in Leipzig wird die Bildungspolitik sein, Merkel und ihre Bildungsministerin Annette Schavan wollen dort den Abschied von der Hauptschule beschließen... *Bouffier*: ...Es wird keinen Abschied von der Hauptschule geben, jedenfalls nicht mit meinem Segen. ... *Spiegel*: Sie werden also gegen den Antrag der Parteispitze stimmen? *Bouffier*: Es wird in Leipzig jedenfalls keinen Beschluss geben, der Hessen dazu veranlassen wird, seine Schulpolitik zu ändern... (*Spiegel*. 2011. S. 30–31).

Наряду с *индикативными* формами выражению будущего в немецкой ПР служит и ряд форм *конъюнктива* – кондиционалис I, претерит и плюсквамперфект конъюнктива. Формы кондиционалиса и претерита конъюнктива соотносятся друг с другом как формы футура I и презенса. Аналогия прослеживается в типе строения (аналитический – синтетический), дискретности выражения будущего (прослеживаемой как у футура I, так и у кондиционалиса I) и в некоторых общих особенностях употребления (так, претерит чаще кондиционалиса I встречается в составе придаточного предложения). С другой стороны, по частотности кондиционалис I оказывается выше претерита. Объяснение видится нам в функционале данной формы, обусловленном в том числе и ее происхождением. Обозначение данной формы указывает на ее первоначальное назначение – использование в значении условия [25. С. 299]. Позднее форма развила в ПР ряд других значений, в том числе результирующее из значения условия вежливое выражение желания и значение предположения. Кроме того, формы кондиционалиса I могут выполнять в ПР и своего рода эрзацфункцию, сохраняя в отличие от претерита конъюнктива, формы которого часто оказываются нечеткими (не отличающимися от соответствующих форм индикатива) или даже неблагозвучными, свою «идентичность» и «нейтральность звучания»: Er druckste herum und... sagte... verlegen: „Ich würde gern in der Wanne baden. Wenn das geht.“ (Ch.Hein. Die Landnahme. 2005).

Примечательно в этой связи, что частотность при выражении футуральности в нашем эмпирическом материале показали преимущественно формы претерита конъюнктива от глаголов *sein* и *haben*, не совпадающие с индикативом: „In vino veritas, in aqua cholera“, sagte der Alte. „Ein Gläschen Wein zum Essen wäre mir lieber“ (I. Noll. Ehrenwort. 2010).

Плюсквамперфект конъюнктива аналогичен перфекту и футуру II индикатива по особенностям выражаемого футурального значения. Данная форма имеет в своем составе причастие II, которое привносит в семантику формы сему завершенности (а также предшествования). С другой стороны,

все формы конъюнктива претеритального плана обладают потенциально-ирреальной семантикой, которая, впрочем, может быть представлена в разной степени. Так, если кондиционалис I и претерит конъюнктива чаще реализуют значение потенциальности, то футуральному плюсквамперфекту больше свойственно значение ирреальности: „Na und? Willst du ein Leben lang seiner Pfeife tanzen? Ist schon gut, beim nächsten Mal hätte ich es ihm selbst gesagt!“ (I. Noll. Ehrenwort. 2010).

Обособленность от перечисленных форм конъюнктива демонстрирует *презенс конъюнктива*. Презенс конъюнктива характеризуется не потенциально-ирреальной, а, скорее, волитивной семантикой. Не случайно в лингвистической литературе данный вид конъюнктива часто именуется «конъюнктивом реальной возможности» [26. С. 15], «императивным конъюнктивом» [27. С. 133] или «волитивным конъюнктивом» [28. С. 120]. Р. Рёслер объясняет возможность императивного употребления презенса конъюнктива тем, что он выполняет формальную ограниченность императива, имеющего лишь формы 2-го лица, распространяя сферу его действия на 3-е лицо (*Vor Inbetriebnahme überprüfe man zunächst, ob die Plomben unversehrt sind.*) [27. С. 134]. Наиболее частотными значениями презенса конъюнктива в ПР являются не только значение требования, но и оптативное значение пожелания (*Es lebe unsere Freundschaft. Möge er gesund werden* и под.). Как императивное, так и оптативное употребление очевидным образом соотносятся с областью будущего. Однако ввиду существенной степени формализованности, обезличенности, а в ряде случаев употребления и пафосности, связанных, по-видимому, с наличием в форме морфемы конъюнктива, использование презенса конъюнктива имеет существенные ограничения в речи. В нашем эмпирическом материале презенс конъюнктива встретился единично и только в оптативном значении: «Gott segne unsere Freundschaft» (Süddeutsche Zeitung. 2011. S. 12).

Кроме ряда форм индикатива и конъюнктива, для выражения будущего служат и формы *императива* (например: Gib mir das Buch!). Более того, в темпоральном плане императив полностью ориентирован на область будущего времени. Основным и специфическим назначением императива следует считать выражение речевой каузации изменения действительности. «Говорящий, самым фактом своего высказывания, пытается каузировать совершение некоторого действия (эксплицитно указанного в этом высказывании)» [29. С. 21]. При этом ориентация на речевую ситуацию, а именно на наличие как минимум двух участников – говорящего и слушающего (потенциального исполнителя действия) – ограничивает сферу употребления императива обычно лишь ситуациями непосредственного общения. В этой связи императив значительно реже используется в ПР публицистического дискурса, чем в ПР художественного дискурса: „...Ja, verschwindet alle beide. Und in den nächsten Stunden will ich nichts von euch hören und sehen, verstanden?“ (Ch. Hein. Die Landnahme. 2005).

Семантика побуждения, всегда сопряженная с областью будущего и свойственная императиву и некоторым другим формам наклонения, при-

существует также при использовании *модальных глаголов*⁷. Значения модальных глаголов в немецком языке нередко систематизируют таким образом, что становится возможным говорить о двух основных разновидностях модальности модальных глаголов: неэпистемической (первичной) и эпистемической (вторичной) [30. С. 85; 31. С. 91]. Анализ особенностей использования модальных глаголов в ПР позволяет согласиться с А. Вежбицкой в том, что в основе первичной семантики модальных глаголов лежит понятие *желания*. Таким образом, соответствующее данному понятию значение следует рассматривать как некое непроеизводное значение, лежащее в основе производных значений *возможности* и *необходимости* [32. С. 154–155]. Желание же теснейшим образом связано с *волеитивностью*. Исходя из этого, можно говорить о том, что волеитивный компонент семантики с большей или меньшей эксплицированностью прослеживается при употреблении всех модальных глаголов в их первичных значениях. Например: „Wir müssen den Termin für die Reha absagen“, sagte sie. „Ich fürchte, er wird es überhaupt nicht mehr schaffen“ (I. Noll. Ehrenwort. 2010).

Эпистемическое значение модальных глаголов связано с субъективным оцениванием пропозиции говорящим [33. С. 70]. Эпистемическая оценка представляет собой интеллектуальный тип оценки, характеризующий полноту знаний говорящего о событии, представленном в пропозиции. В отличие от волеитивного значения, всегда ориентированного на будущее, эпистемическая оценка может осуществляться в отношении события / действия, относящегося к любому отрезку времени, в том числе и к будущему. В силу своих прагматических особенностей эпистемическое значение модальных глаголов очень характерно для публицистического дискурса: Sie fürchtet eine Abstimmungsniederlage und versucht deshalb, es Euro-Skeptikern und Euro-Befürworter recht zu machen. Das ist eine Position, die niemanden überzeugt. Der Euro könnte das Schicksal der Liberalen werden. Wenn die Mitglieder sich für Schäfflers Linie entscheiden, wäre die FDP kaum noch regierungsfähig. Die Partei müsste in die Opposition. Dort kann man nach Herzenslust ideologisch sein (Spiegel. 2011. S. 36)⁸. Эпистемическое значение реализуют, в частности, глаголы können, mögen, dürfen, müssen в сочетании с инфинитивом.

⁷ Примечательно, что во многих германских языках (например, английском, шведском, нидерландском) именно конструкции с модальными глаголами развились со временем в грамматические формы будущего времени [34. С. 143–144]. В немецком языке конструкции с модальными глаголами также долгое время использовались для обозначения будущего и, после появления конструкции werden + инфинитив, успешно конкурировали с ней при обозначении предстоящих действий / событий, но так и не подверглись грамматикализации ([35. С. 83; 36. С. 229] и др.).

⁸ Аналогичные модальным глаголам функции выполняют в ПР некоторые формы и конструкции с модальной семантикой. Впрочем, конструкции haben / sein + zu + инфинитив I, причастие II и lassen + инфинитив I используются в нашем эмпирическом материале с волеитивной или преимущественно волеитивной семантикой.

Два модальных глагола – *sollen* и *wollen* – имеют в немецком языке (наряду с волитивным) не эпистемическое, а эвиденциальное значение. Глагол *sollen* используется для передачи речи другого лица или лиц. Глагол *wollen* служит для передачи утверждения лица, являющегося в предложении подлежащим, обычно относительно самого себя. Оба глагола могут передавать и речь, обращенную в будущее, особенно часто в публицистическом дискурсе: Bundesverkehrsminister Peter Ramsauer (CSU) will die Deutsche Bahn AG stärker kontrollieren und dafür die Kompetenzen der Bundesnetzagentur ausweiten. So soll die bundeseigene Bahn künftig nicht mehr allein über Preise für die Nutzung ihres Schienennetzes entscheiden dürfen (Spiegel. 2011. S. 18).

Задействованность для обслуживания области будущего времени значительного репертуара языковых средств свидетельствует о значимости данного отрезка времени для индивида. С другой стороны, разнородность этих средств указывает на семантическую неоднородность будущего времени. Соединение темпорального компонента с нетемпоральными компонентами модального характера – волитивным и эпистемическим – имеет место не только у модальных глаголов в сочетании с инфинитивом, но и у собственно грамматических средств. Наблюдения над эмпирическим материалом убеждают нас в том, что данные модальные значения на альтернативной основе (волитивное или эпистемическое) обнаруживаются в большей части высказываний о будущем. Более того, часть глагольно-предикативных средств, представленных в таблице, могут выражать оба типа значений, например:

Волитивное будущее: „Ich gehe morgen nicht zum Empfang der Außenhandelskammer. Ich verschwinde einfach. Wir fliegen zu den Pyramiden. Die wollte ich immer sehen.“ (D. Kehlmann. Ruhm. 2009).

Эпистемическое будущее: „Da komme ich nach Afrika“, sagte Leo. „Da sterbe ich vielleicht in Afrika. Und sehe keine Elefanten.“ (D. Kehlmann. Ruhm. 2009).

Наряду с волитивным и эпистемическим будущим целесообразно выделить также *эвиденциальное* будущее. Выше отмечалось, что эвиденциальная семантика свойственна и некоторым модальным глаголам. Однако эвиденциальность не ограничивается областью пересказываемости, в которой функционируют глаголы *wollen* и *sollen*, ее следует трактовать намного шире.

Под *эвиденциальностью* в самом общем виде понимается «отсылка к источнику информации, передаваемой говорящим» [37. С. 92]. В связи с наличием довольно большого многообразия источников и способов получения информации лингвистами обычно выстраивается шкала подтипов данного значения [38. С. 464], в которой выделяется прямая и косвенная эвиденциальность. При выражении будущего эвиденциальность может быть только косвенной, поскольку будущее нельзя (возможно, за отдельными, редкими и трудно доказуемыми исключениями) наблюдать непосредственно, как того требует прямая эвиденциальность. Косвенная эви-

денциальность исключает непосредственное наблюдение ситуации, о которой говорится, высказывание же строится на умозаключении (инференциальность) или на сообщении другого лица (пересказывательность).

О собственно эвиденциальном будущем можно говорить, если продуцент речи, высказываясь о событии, опирается на очень достоверный источник информации, гарантирующий наступление этого события. Так, произнося высказывание *Morgen wird Freitag sein* / *Morgen ist Freitag*, говорящий опирается на такой авторитетный и объективный источник информации, как календарь. В этом случае вероятность наступления события оказывается практически равной 100%. Впрочем, будущее такого типа встречается в речи, по понятным причинам, относительно редко. Выражаться оно может лишь грамматическими средствами на индикативной основе (презенсом, футуром I, перфектом и футуром II).

В том случае, когда источник информации достаточно достоверен (например, план или программа мероприятия, научные расчеты и т.д.), но полной гарантии его наступления нет и можно говорить лишь о выражении высокой степени уверенности, речь должна идти о соединении эпистемического и эвиденциального будущего. Данное будущее может выражаться как грамматическими формами на индикативной основе, так и некоторыми другими средствами, например модальным глаголом *müssen* в сочетании с инфинитивом.

В свою очередь, средняя и низкая вероятность события в будущем не коррелирует с эвиденциальностью и указывает лишь на эпистемическое будущее. Данный тип будущего реализуется, прежде всего, формами конъюнктива на претеритальной основе и некоторыми модальными глаголами, реже – формами индикатива в соответствующем контексте.

Волитивное будущее, противопоставленное как эпистемическому, так и эвиденциальному и характеризующееся семантикой побуждения, намерения совершить действие или желания / пожелания, чтобы что-либо совершилось, может быть выражено большинством средств, функционирующих в области футуральности. Только на его выражении специализируются, например, императив, конструкции *haben* / *sein* + *zu* + инфинитив I, инфинитив (*Aufstehen!*) и причастие II (*Stillgestanden!*).

Таким образом, так называемого «чистого будущего», о котором пишут некоторые исследователи, лишённого модального и / или эвиденциального созначения, характеризующегося только темпоральной (темпорально-аспектуальной) семантикой, по-видимому, быть не может. Этому противоречат сущностные характеристики будущего – нефактуальность и неверифицируемость в момент речи говорящего. Об отсутствии такого будущего свидетельствуют и результаты проведенного нами эмпирического анализа.

Систематизируем выявленные в ходе эмпирического анализа типы будущего и представим их в виде схемы (рис. 1).

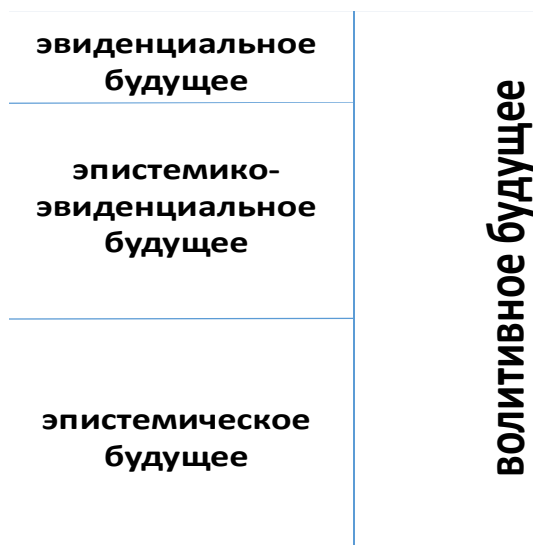


Рис. 1. Типы будущего времени

Полагаем, что типология будущего времени, вытекающая из многообразия глагольных средств, формирующих языковую структуру футуральности в немецком языке, вполне может распространяться и на некоторые другие языки. Будучи разработанной с учетом принципов антропоцентризма, она демонстрирует основные интенции и ментальные действия индивида, лежащие в основе высказываний о будущем. Важно отметить, что область футуральности формируется многочисленными речевыми актами, обнаруживающими связь либо с волитивным, либо с когнитивным (эпистемическим, эпистемико-эвиденциальным, эвиденциальным) компонентом семантики будущего [39. С. 68].

В качестве **вывода** следует отметить, что нефактуальность и неверифицируемость будущего в момент речи прочно связывают данную область времени с такими характеристиками, как модальность (волитивная и эпистемическая) и эвиденциальность. Темпоральность, модальность и эвиденциальность, с одной стороны, являются разными категориями, характеризующимися различной базовой семантикой. И в этой связи можно утверждать, что модальность и эвиденциальность противопоставлены темпоральности. С другой стороны, данные категории связаны друг с другом, поскольку и модальные и эвиденциальные значения сопряжены с локализацией действия или события, представленного в пропозиции, во времени. Эмпирические данные – количественный и качественный анализ средств выражения будущего времени, использующихся в прямой речи художественного и публицистического дискурса, – подтверждают данные наблюдения. В работе выделяется несколько типов будущего времени. Так, будущее может быть волитивным и эпистемическим. Эпистемическое будущее может сочетаться с эвиденциальной семантикой (эпистемико-

эвиденциальное будущее). Наконец, в ряде случаев будущее можно квалифицировать как собственно эвиденциальное.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М. : КомКнига, 2005. 576 с.
2. Маслов Ю.С. Будущее время // Большой энциклопедический словарь. Языкознание / отв. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М., 1998. С. 77.
3. Логунов Т.А. Аналитические формы будущего времени как лингвистический феномен (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2007. 26 с.
4. Порциг В. Членение индоевропейской языковой области. 2-е изд., испр. М. : Эдиториал УРСС, 2003. 332 с.
5. Wunderlich D. Tempus und Zeitreferenz im Deutschen. Munchen : M. Hueber Verlag, 1970. 358 s.
6. Ultan R. The nature of future tense // Universals of human languages / Hrsg. J.G. Greenberg et. al. Stanford, 1978. Vol. 3. P. 83–128.
7. Fleischman S. The Future in Thought and Language. Diachronic evidence from Romance. Cambridge ; London ; New York : Cambridge University Press, 1982. 218 p.
8. Chung S., Timberlake A. Tense, aspect and mood // Language typology and syntactic description. Cambridge : Cambridge University Press, 1985. Vol. 3. P. 202–258.
9. Comrie B. On identifying future tenses // Tempus – Aspekt – Modus / Hrsg. von W. Abraham und Th. Janssen. Tübingen : Niemeyer, 1989. S. 51–63.
10. Vater H. Zum deutschen Tempussystem // Festschrift für L. Saltveit zum 70. Geburtstag / Hrsg. J.O. Askeidal, Ch. Christensen, Å. Findreng, O. Leirbukt. Oslo, 1983. S. 201–214.
11. Itayama M. Werden – modaler als die Modalverben // Deutsch als Fremdsprache. 1993. Heft. 4. S. 233–237.
12. Loeser K. Untersuchungen zur Futurität im Englischen und Deutschen : Dissertation. Potsdam, 1988. 193 S.
13. Welke K. Tempus im Deutschen: Rekonstruktion eines semantischen Systems. Berlin ; New York : De Gruyter, 2005. 522 s.
14. Hacke M. Funktion und Bedeutung von werden + Infinitiv im Vergleich zum futurischen Präsens. Heidelberg : Winter, 2009. 208 s.
15. Leiss E. Die Verbalkategorien des Deutschen: ein Beitrag zur Theorie der sprachlichen Kategorisierung. Berlin ; New York : De Gruyter, 1992. 334 s.
16. Krämer S. Synchrone Analyse als Fenster zur Diachronie: die Grammatikalisierung von werden + Infinitiv. München : LINCOM Europa, 2005. 147 s.
17. Rothstein B. Belege mit doppeltem Futur im Deutschen? Ergebnisse einer Internet-recherche // Sprachwissenschaft. 2013. Bd. 38. S. 101–119.
18. Есперсен О. Философия грамматики / пер. с англ. В.В. Пассека и С.П. Сафроновой ; под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ильиша. 3-е изд., стер. М. : URSS, 2006. 408 с.
19. Reichenbach H. Elements of Symbolic Logic. New York : Free Press, 1966. 444 p.
20. Боднарук Е.В. Категория футуральности в немецком языке. Архангельск : САФУ, 2016. 152 с.
21. Дружинина В.П. Система форм будущего времени в немецкой речи // Иностранные языки в школе. 1951. № 5. С. 25–36.
22. Harm V. Zur Herausbildung der deutschen Futurumschreibung mit werden+Infinitiv // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. LXVIII Jahrgang. 2001. Heft 3. S. 288–307.
23. Thieroff R. Das finite Verb im Deutschen: Tempus – Modus – Distanz. Tübingen : Narr, 1992. 316 s.
24. Нанетваридзе Л.Д. Становление норм употребления форм будущего времени в немецком литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1984. 18 с.

25. Жирмунский В.М. История немецкого языка : учеб. 6-е изд. М. : ЛЕНАНД, 2015. 416 с.
26. Чуваева В.Г. Конъюнктив : практическое пособие для неязыковых вызов (на немецком языке). М. : Высш. шк., 1964. 64 с.
27. Rössler R. Zum Gebrauch der Konjunktive in der deutschen Sprache der Gegenwart // Sprachpflege. 1964. Heft 7. S. 129–136.
28. Eisenberg P. Grundriss der deutschen Grammatik. Der Satz. Stuttgart ; Weimar : J.B. Metzler, 2006. 564 s.
29. Гусев В.Ю. Типология императива. М. : Языки славянской культуры, 2013. 336 с.
30. Fritz Th. Grundlagen der Modalität im Deutschen // Aspekte der Verbalgrammatik / Hrsg. M.L. Eichinger und O. Leirbukt. Hildesheim ; Zürich ; New York : Georg Olms Verlag, 2000. S. 85–104.
31. Ruch K. Modalverbssysteme im Deutschen und Italienischen // Deutsch als Fremdsprache. 2004. Heft 2. S. 90–98.
32. Wiezbicka A. Semantic primitives. Frankfurt am Main : Athenäum-Verlag, 1972. 235 s.
33. Leiss E. Verbalaspekt und die Herausbildung epistemischer Modalverben // Aspekte der Verbalgrammatik / Hrsg. L.M. Eichinger, O. Leirbukt. Hildesheim ; Zürich ; New York : Georg Olms Verlag, 2000. S. 63–83.
34. Szczepaniak R. Grammatikalisierung im Deutschen. Eine Einführung. 2., überarb. und erw. Aufl. Tübingen : Narr, 2011. 219 s.
35. Bogner I. Zur Entwicklung der periphrastischen Futurformen im Frühneuhochdeutschen // Zeitschrift für deutsche Philologie. 1989. Vol. 108. S. 56–85.
36. Diwald G., Habermann M. Die Entwicklung von werden + Infinitiv als Futurgrammem. Ein Beispiel für das Zusammenwirken von Grammatikalisierung, Sprachkontakt und soziokulturellen Faktoren // Grammatikalisierung im Deutschen / Hrsg. T. Leuchner, T. Mortelmans, S. De Groodt. Berlin ; New York : De Gruyter, 2005. S. 229–250.
37. Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92–104.
38. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира : учеб. пособие. М. : Изд-во РГГУ, 2011. 672 с.
39. Боднарук Е.В. Классификация речевых актов с футуральной семантикой (на материале немецкого языка) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2015. Сер. 9, вып. 2. С. 62–75.

FUTURE TIME REFERENCE AND THE MEANS OF ITS EXPLICATION IN THE GERMAN LANGUAGE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 53. 32–47. DOI: 10.17223/19986645/53/3

Elena V. Bodnaruk, Northern Arctic Federal University (Arkhangelsk, Russian Federation). E-mail: bodnaruk@rambler.ru / e.bodnaruk@narfu.ru

Keywords: future time, indicative mood, conjunctive mood, imperative mood, modal verbs, typology, temporal meaning, volitive meaning, epistemic meaning, evidential meaning.

The article focuses on the analysis of verbal means of expression of future time reference in the German language. The future time typology is revealed on the basis of the empiric analysis of these means. The data were collected from the texts of journalistic and fictional discourse. The main methods applied are the methods of quantitative, contextual and componential analysis.

In the introduction, the future time reference in the German language and its ontological and epistemological features are discussed as well as its influence on the appearance and evolution of the grammatical future forms, which differ from the present and past forms in their modal features.

On the one hand, the grammar forms with future meaning – Futur I and Futur II – are excluded by some researchers from the temporal system for having non-temporal semantics. On the other hand, in the new Internet forms, built on the Futur pattern – forms of double Futur with the post-future meaning – can be found. This indicates that grammar forms with future meaning should be considered an integral part of the German temporal system. And if in the course of time the forms of double Futur (*wird machen werden*) were included in the temporal system, there would be an ideal triad of *pre-future* – *future* – *post-future* forms. Future can also be expressed in the German language by Präsens and Perfekt, by several conjunctive forms – Konditionalis, Präterit, Plusquamperfekt and in some cases by Präsens Konjunktiv. The imperative forms always correlate with future. Some lexical-grammatical structures have a future meaning, for example, constructions with modal verbs.

A significant linguistic means repertoire, which participates in the actualization of the future semantics, shows the importance of this time for the individual. But the heterogeneity of these means indicates the semantic heterogeneity of the future time reference itself. The majority of non-temporal meanings, which correlate with future, have a modal character. Modality of future forms has two main varieties – volitive and epistemic. In the basis of *volitive future* lies the seme “desire”. This seme is represented in the following meanings: a) order, b) intention to do something; c) desire or wish that something happens. Volitive future can be expressed by the major part of linguistic means, which correlate with the field of future. The *epistemic future* indicates the subjective assessment of the probability of a future event and characterizes the completeness of knowledge of the speaker about this event. If the speaker does not rely on any source of information while assessing the future event, the future is considered to be epistemic. The presence of a source of information makes it more certain that the event will take place. Such future combines epistemic and evidential meanings. If the happening of a future event is inevitable, and the presence of a trustworthy and objective information source confirms it, the future is *evidential*. Epistemic and evidential future forms have some restrictions in using linguistic means.

References

1. Akhmanova, O.S. (2005) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: KomKniga.
2. Maslov, Yu.S. (1998) Budushchee vremya [The future tense]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'. Yazykoznanie* [Big Encyclopedic Dictionary. Linguistics]. 2nd ed. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
3. Logunov, T.A. (2007) *Analiticheskie formy budushchego vremeni kak lingvisticheskiy fenomen (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov)* [Analytical forms of the future tense as a linguistic phenomenon (on the material of English and Russian languages)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kemerovo.
4. Portsig, V. (2003) *Chlenenie indoevropeyskoy yazykovoy oblasti* [The division of the Indo-European language area]. 2nd ed. Moscow: Editorial URSS.
5. Wunderlich, D. (1970) *Tempus und Zeitreferenz im Deutschen* [Tense and time reference in German]. Munich: M. Hueber Verlag.
6. Ultan, R. (1978) The nature of future tense. In: Greenberg, J.G. et al. (eds) *Universals of human languages*. Vol. 3. Stanford: Stanford University Press.
7. Fleischman, S. (1982) *The Future in Thought and Language. Diachronic evidence from Romance*. Cambridge; London; New York: Cambridge University Press.
8. Chung, S. & Timberlake, A. (1985) Tense, aspect and mood. In: Shopen, T. (ed.) *Language typology and syntactic description*. Vol. 3. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Comrie, B. (1989) On identifying future tenses. In: Abraham, W. von & Janssen, Th. (eds) *Tempus – Aspekt – Modus* [Tense – aspect – mode]. Tübingen: Niemeyer.
10. Vater, H. (1983) Zum deutschen Tempussystem [On the German tense system]. In: Askehal, J.O., Christensen, Ch., Findreng, Å. & Leirbukt, O. (eds) *Festschrift für L. Saltveit zum 70. Geburtstag* [Festschrift for L. Saltveit's 70th birthday]. Oslo: Universitetsforlaget.

11. Itayama, M. (1993) Werden – modaler als die Modalverben [Become – more modal than the modal verbs]. *Deutsch als Fremdsprache*. 4. pp. 233–237.
12. Loeser, K. (1988) *Untersuchungen zur Futurität im Englischen und Deutschen* [Studies of the future in English and German]. Dissertation. Potsdam.
13. Welke, K. (2005) *Tempus im Deutschen: Rekonstruktion eines semantischen Systems* [Tense in German: reconstruction of a semantic system]. Berlin; New York: De Gruyter.
14. Hacke, M. (2009) *Funktion und Bedeutung von werden + Infinitiv im Vergleich zum futurischen Präsens* [Function and meaning of become + infinitive compared to the futuristic present]. Heidelberg: Winter.
15. Leiss, E. (1992) *Die Verbalkategorien des Deutschen: ein Beitrag zur Theorie der sprachlichen Kategorisierung* [The verbal categories of German: a contribution to the theory of linguistic categorization]. Berlin; New York: De Gruyter.
16. Krämer, S. (2005) *Synchrone Analyse als Fenster zur Diachronie: die Grammatikalisierung von werden + Infinitiv* [Synchronic analysis as a window to diachrony: the grammaticalization of become + infinitive]. Munich: LINCOM Europa.
17. Rothstein, B. (2013) Belege mit doppeltem Futur im Deutschen? Ergebnisse einer Internetrecherche [Documents with double future in German? Results of an internet search]. *Sprachwissenschaft*. 38. pp. 101–119.
18. Espersen, O. (2006) *Filosofiya grammatiki* [Philosophy of Grammar]. Translated from English by V.V. Passek & S.P. Safronova. 3rd ed. Moscow: URSS.
19. Reichenbach, H. (1966) *Elements of Symbolic Logic*. New York: Free Press.
20. Bodnaruk, E.V. (2016) *Kategoriya futural'nosti v nemetskom yazyke* [The category of future in German]. Arkhangelsk: SAFU.
21. Druzhinina, V.P. (1951) Sistema form budushchego vremeni v nemetskoy rechi [The system of future tense forms in German speech]. *Inostrannye yazyki v shkole*. 5. pp. 25–36.
22. Harm, V. (2001) Zur Herausbildung der deutschen Futurumschreibung mit werden+Infinitiv [On the emergence of the German future form with become + infinitive]. *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*. LXVIII (3). pp. 288–307.
23. Thieroff, R. (1992) *Das finite Verb im Deutschen: Tempus – Modus – Distanz* [The finite verb in German: Tense – mode – distance]. Tübingen: Narr.
24. Napetvaridze, L.D. (1984) *Stanovlenie norm upotrebleniya form budushchego vremeni v nemetskom literaturnom yazyke* [Formation of norms for the use of future forms in German literary language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tbilisi.
25. Zhirmunskiy, V.M. (2015) *Istoriya nemetskogo yazyka* [History of the German language]. 6th ed. Moscow: LENAND.
26. Chuvaeva, V.G. (1964) *Kon'yunktiv: prakticheskoe posobie dlya neyazykovykh vuzov (na nemetskom yazyke)* [Conjunctive: A practical guide for non-language universities (in German)]. Moscow: Vyssh. shk.
27. Rössler, R. (1964) Zum Gebrauch der Konjunktive in der deutschen Sprache der Gegenwart [On the use of the conjunctive in the German language of the present]. *Sprachpflege*. 7. pp. 129–136.
28. Eisenberg, P. (2006) *Grundriss der deutschen Grammatik. Der Satz* [The outline of the German grammar. The sentence]. Stuttgart; Weimar: J.B. Metzler.
29. Gusev, V.Yu. (2013) *Tipologiya imperativa* [Typology of the imperative]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
30. Fritz, Th. (2000) Grundlagen der Modalität im Deutschen [Basics of modality in German]. In: Eichinger, L.M. & Leirbukt, O. (eds) *Aspekte der Verbalgrammatik* [Aspects of verb grammar]. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag. pp. 63–83
31. Ruch, K. (2004) Modalverbssysteme im Deutschen und Italienischen [Modal verb systems in German and Italian]. *Deutsch als Fremdsprache*. 2. pp. 90–98.
32. Wierzbicka, A. (1972) *Semantic primitives*. Frankfurt: Athenäum-Verlag.
33. Leiss, E. (2000) Verbalaspekt und die Herausbildung epistemischer Modalverben [Verb aspect and the formation of epistemic modal verbs]. In: Eichinger, L.M. & Leirbukt, O.

(eds) *Aspekte der Verbalgrammatik* [Aspects of verb grammar]. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag.

34. Szczepaniak, R. (2011) *Grammatikalisierung im Deutschen. Eine Einführung* [Grammaticalization in German. An introduction]. 2nd ed. Tübingen: Narr.

35. Bogner, I. (1989) Zur Entwicklung der periphrastischen Futurformen im Frühneuhochdeutschen [On the development of periphrastic future forms in Early Modern High German]. *Zeitschrift für deutsche Philologie*. 108. pp. 56–85.

36. Diewald, G. & Habermann, M. (2005) Die Entwicklung von werden + Infinitiv als Futurgrammem. Ein Beispiel für das Zusammenwirken von Grammatikalisierung, Sprachkontakt und soziokulturellen Faktoren [The development of become + infinitive as a future grammeme. An example of the interaction of grammaticalization, language contact and sociocultural factors]. In: Leuchner, T., Mortelmans, T. & De Groodt, S. (eds) *Grammatikalisierung im Deutschen* [Grammaticalization in German]. Berlin; New York: De Gruyter.

37. Kozintseva, N.A. (1994) Kategoriya evidentsial'nosti [The category of evidentiality]. *Voprosy yazykoznanija*. 3. pp. 92–104.

38. Plungyan, V.A. (2011) *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: RSUH.

39. Bodnaruk, E.V. (2015) Classification of speech acts with future semantics (in the German language). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 9 – Vestnik of Saint Petersburg University, Language and Literature*. 2. pp. 62–75. (In Russian).